

В ответ на угрозу лицо Сюэ Бэйвана потемнело. Резким ударом ладони он разнёс в щепки стоявший рядом деревянный стол.

Телохранители незнакомца тут же обнажили клинки, заслоняя своего господина.

— Дерзость! — выплюнул один из них. — Хозяин зовёт тебя посланником лишь из уважения к Третьему принцу! Ты кем себя возомнил, ублюдок?

Взор Сюэ Бэйвана оледенел. В мгновение ока он перехватил запястье крикуна. Одно короткое, выверенное движение — и собственное оружие воина с глухим, влажным хрустом вошло ему в грудь, разрывая плоть. Сюэ Бэйван, не меняясь в лице, медленно провернул рукоять в ране. Горячая кровь хлынула на его пальцы.

Стоило ему разжать руку, как затихший страж с остекленевшим взглядом рухнул навзничь.

— И что это значит, посланник? — глухо спросил предводитель в маске.

Сюэ Бэйван безглаголиво стряхнул с пальцев багровую влагу и процедил:

— Лишь наглядный пример того, что я крайне злопамятен.

Мужчина мельком глянул на бездыханное тело у своих ног и шумно выдохнул через ноздри:

— Не забывай, мы с Третьим принцем — союзники.

— Если бы я забыл, — ровным тоном ответил Сюэ Бэйван, — на его месте лежал бы ты.

В этот миг в нём не осталось и следа от той глупой, робкой застенчивости, что охватывала его наедине с Девой Цзюэюй.

— Я выполняю твою часть уговора. Но чтобы больше ни одна твоя ищейка за мной не ходила.

Эта показательная расправа была лишь предупреждением — платой той же монетой за наглую попытку диктовать свои условия. Он мог бы сохранить стражнику жизнь, но слова, порочащие Цзюэюй, ранили его слух. Слишком уж бережно он относился к ней, чтобы позволять всякому сброду трепать её имя.

Мужчина под вуалью нахмурился. Спеси в его голосе заметно поубавилось. Достав из-за пазухи сложенный листок, он протянул его Сюэ Бэйвану:

— В гостинице «Север города» для тебя подготовлены комнаты и стол. Оставайся там, мой

человек свяжется с тобой позже.

Сюэ Бэйван забрал записку, скользнул взглядом по адресу и спрятал в рукав.

Слегка поклонившись, мужчина произнёс:

— Прошу простить мне давешнюю дерзость, посланник. Но всё же позволь дать совет: твоя привязанность к нежным, беззащитным девицам из весёлых кварталов станет для них лишь смертным приговором.

— Это всё? — холодно бросил Сюэ Бэйван.

Собеседник покачал головой, и юноша, не оборачиваясь, вышел прочь.

Едва шаги Сюэ Бэйвана затихли, из-за ширмы в глубине зала бесшумно выскользнули с десяток телохранителей. Мужчина снял бамбуковую шляпу с вуалью и безразличным взглядом окинул два распростёртых на полу тела, после чего небрежно взмахнул рукой, приказывая убрать грязь.

— Может, проучить наглеца? — негромко спросил один из приближённых.

Господин покачал головой:

— В письмах Третий принц упоминал, что отправит сюда своего седьмого брата. Сюэ Бэйван ушёл на войну тринадцатилетним мальчишкой и всего за пять лет выслужил генеральский чин. Как-никак, он принадлежит к императорскому роду Чэнь, ссориться с ним не с руки. К тому же... — он сделал паузу. — Не уверен, что вы с ним сдюжите.

— Позволю себе заметить, ваше высочество, вы его переоцениваете, — возразил доверенный слуга. — Недавно он чуть богу душу не отдал в поместье князя Миня.

— Выбраться живым из логова князя Миня — уже великое свершение. Поместье князя Миня охраняется не хуже императорского дворца. Этот парень только прибыл в У, ничего не знает о здешних порядках, но сумел за считанные часы разыскать покои князя, пробраться туда и совершить покушение. Обычному человеку такое не под силу. Если мы снова натравим его на Бая Чэнцзюэ, возможно, нам удастся нащупать его слабые места.

Мужчина прищурился, погружаясь в раздумья, после чего отдал шляпу стражнику:

— К слову, я не видел лица своего брата уже больше десяти лет. Уж не прирос ли этот железный шлем к его паршивой физиономии?

После той памятной встречи Сюэ Бэйван словно сквозь землю провалился. Бай Чэнцзюэ не получал от него никаких вестей.

Лазутчик, которого он отправил следить за чужеземцем, был найден в глухом переулке с перерезанным горлом. Тот самый парень, который в его присутствии робел, краснел и едва мог связать пару слов, хладнокровно прикончил обученного бойца одним точным ударом. Узнав об этом, Бай Чэнцзюэ невольно призадумался. Теперь ему оставалось лишь уповать на назначенный срок и зажатую в кулаке нефритовую подвеску.

Семь дней пролетели незаметно.

Сюэ Бэйван, раздобыв через верных людей нужную сумму, отправился выкупать заложенный нефрит. У самого сердца он бережно хранил шёлковый платок, которым Дева Цзюэюй той дождливой ночью утирала капли с его лица.

Он укрылся в тени улицы, выжидая, пока Бай Чэнцзюэ с дорожным узлом за плечами переступит порог Терема Сотни Цветов.

Сжав кулаки в широких рукавах, юноша шагнул ему навстречу и негромко позвал:

— Дева Цзюэюй.

Бай Чэнцзюэ замер. Глядя на рыбу, которая послушно заглотила наживку, он наконец почувствовал, как утихает тревога, терзавшая его последние дни.

Поправив лямку дорожного мешка, Бай Чэнцзюэ мягко улыбнулся:

— В тот день я поспешил к лесной хижине, но вас там уже не застал. Грешным делом подумала, что господин и сегодня не явится.

— Я пришёл, чтобы вернуть свой залог и отдать ваш платок, дева.

Юноша протянул тугой кошель и тонкую ткань:

— Здесь пятьдесят лянов долга и ещё триста сверху — векселями. И платок ваш... заберите.

— Неужели мы должны считаться до последнего гроша? — Бай Чэнцзюэ опустил ресницы и, протянув ему нефритовую подвеску, тихо вздохнул. — Я представляла себе нашу разлуку иначе. Держите ваш нефрит. А платок... пусть остаётся у вас. На память.

Сюэ Бэйван забрал подвеску, но вместо того чтобы взять платок, наклонился и бережно положил кошель вместе с шёлком у ног собеседника.

— Дева Цзюэюй, вы — обительница весёлого дома, — твёрдо произнёс он. — Сегодня наши долги закрыты. Больше нам делить нечего.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

Бай Чэнцзюэ посмотрел на кошель у своих ног, а затем перевёл недоумённый взгляд на удаляющуюся спину юноши. Каких-то пару дней назад этот малый при одном упоминании имени «Цзюэюй» терял дар речи и багровел до ушей. А теперь бросил деньги и уходит с таким независимым видом. Что за муха его укусила?

Бай Чэнцзюэ рассчитывал привязать его к себе, сыграв на извечной слабости мужчин перед женской красотой, однако эта резкая перемена спутала ему все карты. Впрочем... припомнив только что разыгравшуюся сцену, Бай Чэнцзюэ усмехнулся: за всё время разговора Сюэ Бэйван так и не решился взглянуть ему прямо в глаза.

Он прищурился, неторопливо поднял кошель и взвесил его на ладони. Напряжение, сковавшее его лицо, медленно сошло на нет.

Тем временем Сюэ Бэйван, свернув за угол на перекрёстке, наконец смог перевести дух. Запятанный за пазуху нефрит ещё хранил тепло ладоней Девы Цзюэюй. Сжав зубы, он упрямо зашагал дальше. Больше всего на свете он боялся, что дева бросится следом и позовёт его по имени — тогда вся его напускная суровость рассыплется в прах.

Позади царила тишина. Вернувшись в свою комнату и заперев дверь, Сюэ Бэйван бессильно прижался спиной к дубовым доскам. Он с досадой хлопнул себя по лбу, тщетно пытаясь прогнать из мыслей нежный образ.

С улицы донёсся многоголосый гул — прохожие явно что-то бурно обсуждали. Сюэ Бэйван подошёл к окну и выглянул наружу. Прямо под стенами гостиницы стояла Цзюэюй. В тот же миг она подняла голову. Встретившись с ней взглядом, юноша испуганно отшатнулся и присел под подоконником, словно нашкодивший мальчишка.

«Неужели она шла за мной следом от самого Терема Сотни Цветов?»

— Молодой господин! — раздался задорный голос Сяо Муцзы. — Там внизу такая красавица стоит! Если из окна высунуться, её прямо как на ладони видно. Гляньте, а? Спорю на что угодно, она краше той вертихвостки из весёлого дома, по которой вы сохнете!

— Сяо Муцзы, помолчи, — буркнул Сюэ Бэйван.

Слуга протянул лукавое «о-о-о» и, присев рядом с господином, заговорщически подмигнул:

— Неужто угадал? И эта девица внизу — ваша зазноба?

— Нет, — отрезал юноша, хотя уши его мгновенно вспыхнули пунцовым.

— Эх, господин, никакой в вас смелости нет, — притворно вздохнул Сяо Муцзы.

Сюэ Бэйван то и дело бросал косые взгляды на улицу. День сменился сумерками, сумерки — глухой ночью, а Цзюэюй всё стояла на том же месте. Юноша отправил к ней Сяо Муцзы с тёплым одеялом и горячей едой, но она даже не взглянула на подношения. Словно бездушное изваяние, дева замерла посреди мостовой, не обращая внимания ни на пронизывающий ночной холод, ни на голод.

Сон не шёл к Сюэ Бэйвану. Пока Цзюэюй бодрствовала под открытым небом, он сидел у стены возле окна, вслушиваясь в ночные шорохи, и не сомкнул глаз до самого рассвета.

Наступил полдень. Поднос с завтраком так и остался нетронутым. Сяо Муцзы со вздохом велел слугам убрать остывшую еду.

Поглядев на хмурый небосвод, слуга заметил:

— Господин, тучи сгущаются. Того и гляди ливень хлынет.

Сюэ Бэйван судорожно сжал в кулаке подвеску.

— Вот и хорошо... Под дождём она тут стоять не станет. Уйдёт наконец.

— Дивлюсь я ей, — покачал головой Сяо Муцзы. — Со вчерашнего дня на ногах. Хрупкое же создание, замертво ведь упадёт.

— Не упадёт. Поймёт, что всё попусту, и вернётся к себе, — упрямо бросил Сюэ Бэйван, хотя голос его дрогнул.

Видя, как отчаянно господин цепляется за свою напускную холодность, Сяо Муцзы лишь промолчал, избавив его от колкостей.

Но вот разверзлись хляби небесные, и на город обрушился яростный ливень. Сюэ Бэйван прильнул к оконной раме. Цзюэюй стояла посреди бушующих потоков воды — тонкая, незащищенная фигура под безжалостными струями. Она крепко прижимала к груди свой узелок с вещами, а её прекрасные, затуманенные глаза были устремлены куда-то в пустоту.

Юноша стиснул зубы и в ярости ударил кулаком по стене.

— Ну и ливень, — прошептал за спиной Сяо Муцзы. — Струи аж хлещут. Неужто даже зонт ей не вынесем, господин?

— Ещё немного... — глухо отозвался Сюэ Бэйван, не отрывая взгляда от мокнущей девы. — Поймёт, что я не выйду, и уйдёт.

— Как скажете, — вздохнул слуга.

Прошёл час. Дождь не утихал, а она всё стояла. Мокрая одежда облепила её тело, плечи мелко дрожали от холода. Потоки воды становились всё яростнее. Было видно, как дева до крови искусила губы, пытаясь сдержать дрожь. Силы явно покидали её.

Сюэ Бэйван не выдержал. Схватив висевшую у двери соломенную накидку, он рванулся к выходу, но Сяо Муцзы преградил ему путь, ухватив за рукав.

— Пойдите, господин! Ещё немного, и она сдастся. Но если вы сейчас сделаете шаг навстречу, она ведь от вас больше не отвяжется.

Юноша резко вырвал руку, отбрасывая прочь всякое притворство:

— Да пусть хоть всю жизнь за мной ходит! Если она захочет остаться со мной навсегда, я буду только счастлив!

Сяо Муцзы лишь ухмыльнулся и, скрестив руки на груди, вальяжно прислонился к косяку. Глядя на то, как господин кубарем несётся по лестнице, он лишь покачал головой. И к чему было разыгрывать эту глупую комедию?

У входа в гостиницу собралась толпа праздных зевак. Хозяин и постояльцы, укрывшись под навесом, оживлённо перешёптывались и тыкали пальцами в мокнущую под ливнем гостью. Сюэ Бэйван бесцеремонно растолкал локтями любопытных и, подбежав к Бай Чэнцзюэ, накинул тёплую накидку ему на плечи.

— Идём внутрь, живей! — хрипло приказал он.

Бай Чэнцзюэ бережно перехватил его запястье и вложил в мокрую ладонь Сюэ Бэйвана тот самый кошель, что хранил у сердца.

— Прошу вас, заберите золото назад, господин, — нежно и надрывно проговорил он. — Я знаю своё место и не смею навязываться благородному мужу. Я пришла лишь для того, чтобы вернуть этот долг. Теперь между нами всё кончено. Мы больше никогда не увидимся.

С этими словами Бай Чэнцзюэ сбросил с плеч накидку и, шатаясь от слабости, медленно побрёл прочь по залитой водой мостовой.

<http://bllate.org/book/18210/1747535>